

ИЗ ПОЧТЫ АЛЬМАНАХА

Виктор АЛЁКИН

ОБ ОДНОМ ИЗ ПРОТОТИПОВ ФОМЫ ОПИСКИНА

Что в «Селе Степанчиково» пародируется в основном стиль Гоголя эпохи «Переписки с друзьями», сейчас является общепризнанным фактом.

Но до сих пор нет единой точки зрения в вопросе о реальном прототипе Фомы Опискина — назывались, кроме Гоголя, и Белинский, и Грановский, и Полевой, а также множество литературных героев.

Н.К.Михайловским выдвигалась идея, что Опискин — это Достоевский, но только без его большого и оригинального дарования¹.

И если мнение, что Гоголь — это прототип Фомы Фомича, высказанное еще А.А.Краевским, существует и поныне, то мысли Н.К.Михайловского — не прижились.

Мы же в этих коротких заметках все же постараемся показать, что Фома Фомич Опискин — это в какой-то мере автопародия, а отношения Опискина и полковника Ростанева напоминают отношения самого Достоевского и А.Е.Врангеля. Склонность Ф.М.Достоевского к самопародии очевидна — достаточно вспомнить две часто встречающиеся цитаты:

«Я бывала очень недовольна, когда Федор Михайлович принимал на себя роль «молодящегося старичка». Он мог целыми часами говорить словами и мыслями своего героя, старого князя, из «Дядюшкина сна». Высказывал он чрезвычайно оригинальные и неожиданные мысли, говорил весело и талантливо, но меня эти рассказы в тоне молодящегося, но никуда не годного старичка всегда коробили, и я переводила разговор на что-либо другое»².

«Через много лет Достоевский в сугубо ироническом плане обыграет некогда избранную им для материнского надгробия надпись — «Покойся, милый прах, до радостного утра». Этой эпитафией ерник и шут Лебедев почтит свою якобы погребенную на Ваганьковском кладбище ногу (по коей он ежегодно совершает церковные панихиды)»³.

Кстати, и Опискин занимался этим же: «...существует мавзолей из белого мрамора, испещренный хвалебными надписями <...> Фома Фомич сильно участвовал в составлении этих надписей» (3; 9).

Почему же возникла эта автопародия? Наверное, потому, что Достоевскому хотелось избавиться от ощущения приживальщичества, которое было — несмотря на благостные воспоминания Врангеля об их совместном житье⁴.

Упоминание об этом можно найти, как в письмах: «Вы пишете, чтоб я жил с Врангелем, но я не хочу по многим важным причинам. <...> 2) Мой характер. 3) Его характер» (28, I; 188), так и в планах повестей: «Знатный МГ, богатый и его пришлепник, будущий писатель, ездят» (3; 443). И единственная возможность избавиться от этого ощущения — тут мы солидарны с Л.Сараскиной — это поднять «на смех собственные страхи и пороки»⁵. Позже мысль об исцеляющей силе творчества Достоевский вложит в уста Подростка: «Кончив же записки и дописав последнюю строчку, я почувствовал, что перевоспитал себя самого, именно процессом припоминания и записывания» (13; 447).

Что же общего у Фомы Опискина и Достоевского?

А на сходство указал сам Федор Михайлович в своем письме А.Н.Майкову от 18 января 1856 г.: «Я шутя начал комедию и шутя вызвал столько комической обстановки, столько комических лиц и так понравился мне мой герой, что я бросил форму комедии, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствия как можно дольше следить за приключениями моего нового героя и самому хохотать над ним. Этот герой мне несколько сродни» (28, I; 209). В.А.Туниманов эту фразу отнес к повествователю, но все же сделал оговорку: «весьма сомнительно, что в данном письме речь идет о нем»⁶.

Думается, Достоевский имел в виду именно Фому Опискина.

Итак, чем же они «сродни»? Во-первых, своим прошлым. «Он был когда-то литератором и был огорчен и не признан; а литература способна загубить и не одного Фому Фомича — разумеется, непризнанная» (3; 12).

Если учесть, что с вхождением в литературу у Достоевского тоже не все было гладко — после первых восторгов Белинский резко изменил свое отношение: «Надулись же мы, друг мой, с Достоевским-гением!», то параллели очевидны.

«Фома Фомич был огорчен с первого литературного шага и тогда же окончательно примкнул к той огромной фаланге огорченных, из которой выходят потом все юродивые, все скитальцы и странники» (3; 12). Н.Н.Мостовская указала, что это реминисценция из II тома «Мертвых душ» Гоголя, где содержится иронический намек на деятельность «оппозиционно настроенных по отношению к правительству кружков — возможно, в том числе и на общество Петрашевского, в которое входил Достоевский»⁷.

«Говорили, во-первых, что он когда-то и где-то служил, где-то пострадал и уж, разумеется, «за правду»» (3; 7). «За правду, говорит, где-то

там пострадал, в сорок не в нашем году, так вот и кланяйся ему за то в ножки!» (3; 27). Это тоже о Фоме Фомиче, а если учесть изменившееся отношение Достоевского к тому, за что он попал в Сибирь (28, I; 207-208), то и о самом авторе.

Во-вторых, общим было у них и настоящее — творческий кризис. После Опискина остались в основном незавершенные произведения: «...Фома, просидев здесь почти восемь лет⁸, ровно ничего не сочинил путного. <...> Нашли, например, начало исторического романа, <...> повесть «Графиня Влонская», <...> тоже неоконченную» (3; 130).

«Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково» были задуманы в 1855 году, работа же затянулась на четыре года.

Можно предположить, что имевшуюся некоторую неуверенность в своих силах, страх не окончить повесть Достоевский и вложил в Фому Опискина.

Раз уж мы упомянули «Воспоминания» А.Е.Врангеля, то выскажем предположение о причинах пародирования Гюголя в речах Опискина, исходя из чисто житейских подробностей (конечно, наличествовали и «преодоление» и «борьба», тем более, что часто пародировались цитаты Гюголя, взятые из рецензии Белинского⁹, но нужен был импульс, чтобы все это ожило). В своих «Воспоминаниях» Врангель пишет: «Старое поколение тогда Гюголя недолюбливало, мы же, молодежь, восхищались им. В Лицее были товарищи, которне целые страницы его сочинений знали наизусть; многим из товарищей мы давали клички из «Мертвых душ» ...»¹⁰. Может быть, юношеская восторженность Александра Егоровича Гоголем, а не Достоевским (писателем) была одной из причин, вызвавших эту пародию?

Почти такое же отношение к Гюголю было и у молодого Достоевского — об этом прямо говорится в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год: «мы всю ночь проговорили с ним о «Мертвых душах» и читали их, в который раз не помню. Тогда это бывало между молодежью; сойдутся двое или трое: «А не почитать ли нам, господа, Гюголя!» — садятся и читают, и пожалуй, всю ночь» (25; 29). Но все это было до едких выпадов критики, обвинявшей его в зависти к Гюголю, в подражании и даже в заимствовании, и до возникновения связки «отец — сын» (Белинский называет Гюголя «отцом» Достоевского)¹¹. Поэтому еще раз повторюсь: восхищение Врангеля Гоголем было, возможно, только последней каплей, переполнившей чашу.

М.С.Альтман на множестве примеров показал, что «Достоевский неоднократно наделял своих героев именами их прототипов»¹². И хотя в «Селе Степанчикове» Ростанева зовут иначе, имя и отчество его дочери полностью совпадают с именем и отчеством (естественно, в другом роде) Врангеля — Александра Егоровна. Наверное, Достоевский не захотел, чтобы барон узнал себя в этом персонаже, но удержаться от того, чтобы оставить какой-то намек, не смог — тем более, что у них неоднократно велись разговоры о том, что Федор Михайлович когда-нибудь опишет все, что происходило в Семипалатинске. (Вот строки из письма

А.Е.Врангеля Ф.М.Достоевскому: «Помнится, хотели Вы еще в Семипалатинске описать наши сибирские мучения и выставить, мне на показ, мой характер».)¹³

Обратимся к характеру Егора Ильича.

«Душа добрая, чистая, я уж не говорю, что он для меня столько сделал, показал мне столько преданности, столько привязанности, чего родной брат не сделает. <...> до невероятности добрый» (28, I; 199); «два слова о его характере: чрезвычайно много доброты» (28, I; 207) — это все из писем Достоевского о Врангеле. А вот как Федор Михайлович описывает характер Ростанева: «он был так добр, что в иной раз готов был решительно всё отдать по первому спросу и поделиться чуть не последней рубашкой с первым желающим» (3; 5); «дядя был добр до крайности» (3; 13). «Конечно, он был слаб и даже уж слишком мягок характером» (3; 14) — это о Ростаневе, а вот о Врангеле: «характер очень слабый» (28, I; 200). Не правда ли, они очень схожи?

Перейдем теперь к отношениям между этой парой.

«ну, наконец, и наука... писатель! образованнейший человек!»; «В ученость же и в гениальность Фомы он верил беззаветно. Я и забыл сказать, что перед словом «наука» или «литература» дядя благоговел самым наивным и бескорыстнейшим образом» (3; 15); «Нет, говорит, превосходнейший он человек <...> он мне друг; он меня благодарию учит» (3; 27). Эти строки из «Села Степанчикова» напоминают нам письмо Врангеля к отцу: «Судьба сблизила меня с редким человеком, как по сердечным, так и умственным качествам; <...> Ему я многим обязан, и его слова, советы и идеи на всю жизнь укрепят меня. С ним я занимаюсь ежедневно <...> Он человек весьма набожный, болезненный, но воли железной»¹⁴. (Думается, что перед отправлением он читал свое письмо Достоевскому.)

«Заронил ли я в вас искру небесного огня или нет? Отвечайте: заронил я в вас искру или нет?» (3; 16) — это спрашивает Фома. И ему отвечает Врангель: «На много он открыл мне глаза, а особенно я чту его память за чувство гуманности, которое он вселил в меня»¹⁵. Конечно, «Воспоминания» написаны через много лет после их совместной жизни в Семипалатинске, но, наверное, «высокий» стиль был присущ Врангелю и в молодости (и даже в большей степени). А именно этот стиль часто и пародируется в «Селе Степанчикове». «Вы понимаете, может быть, лучше другого, как обходиться с человеком, которого пришлось одолжить. Я знаю, что Вы с ним удвоите, утроите учтивость» (28, I; 191) — это строки из письма Ф.М.Достоевского А.Е.Врангелю. А вот и ответ из «Села Степанчикова»: «— Я, братец, сам виноват, — говорит он, бывало, кому-нибудь из своих собеседников, — во всем виноват! Вдвое надо быть деликатнее с человеком, которого одолжаешь...» (3; 14-15).

Нам кажется, что приведенные примеры доказывают возможность существования нашей точки зрения. Разработка же этой темы — в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Михайловский Н.К. Жестокий талант // Ф.М.Достоевский в русской критике. М. 1956. С. 327.

² Достоевская А.Г. Воспоминания. М. 1981. С. 100.

³ Игорь Волгин. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М. 1991. С. 140.

⁴ «Между нами за все время нашего совместного житья не пробежала ни одна тучка, не было ни одного недоразумения». Врангель А.Е. Из «Воспоминаний о Ф.М.Достоевском в Сибири» // Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников. М. 1990. С. 358.

⁵ Людмила Сараскина. Федор Достоевский. Одоление демонов. М. 1996. С. 199.

⁶ Туниманов В.А. Творчество Достоевского. 1854 – 1862. Л. 1980. С. 8.

⁷ Мостовская Н.Н. Уточнения и дополнения к комментарию Полного собрания сочинений Ф.М.Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 5. Л. 1983. С. 226.

⁸ «У меня уже восемь лет назад составила идея одного небольшого романа» (28, I; 299).

⁹ «Почти все места из Гюголя, приводимые нами ниже для сличения, приводятся у Белинского, в его рецензии на «Переписку»» // Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гюголь / К теории пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. 1977. С. 212 – 226.

¹⁰ Врангель А.Е. С. 351.

¹¹ Тынянов Ю.Н. С. 198.

¹² Альтман М.С. Достоевский. По вехам имен. М. 1975. С. 16.

¹³ Письма А.Е.Врангеля к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 3. Л. 1978. С. 270.

¹⁴ Врангель А.Е. С. 352.

¹⁵ Врангель А.Е. С. 358.